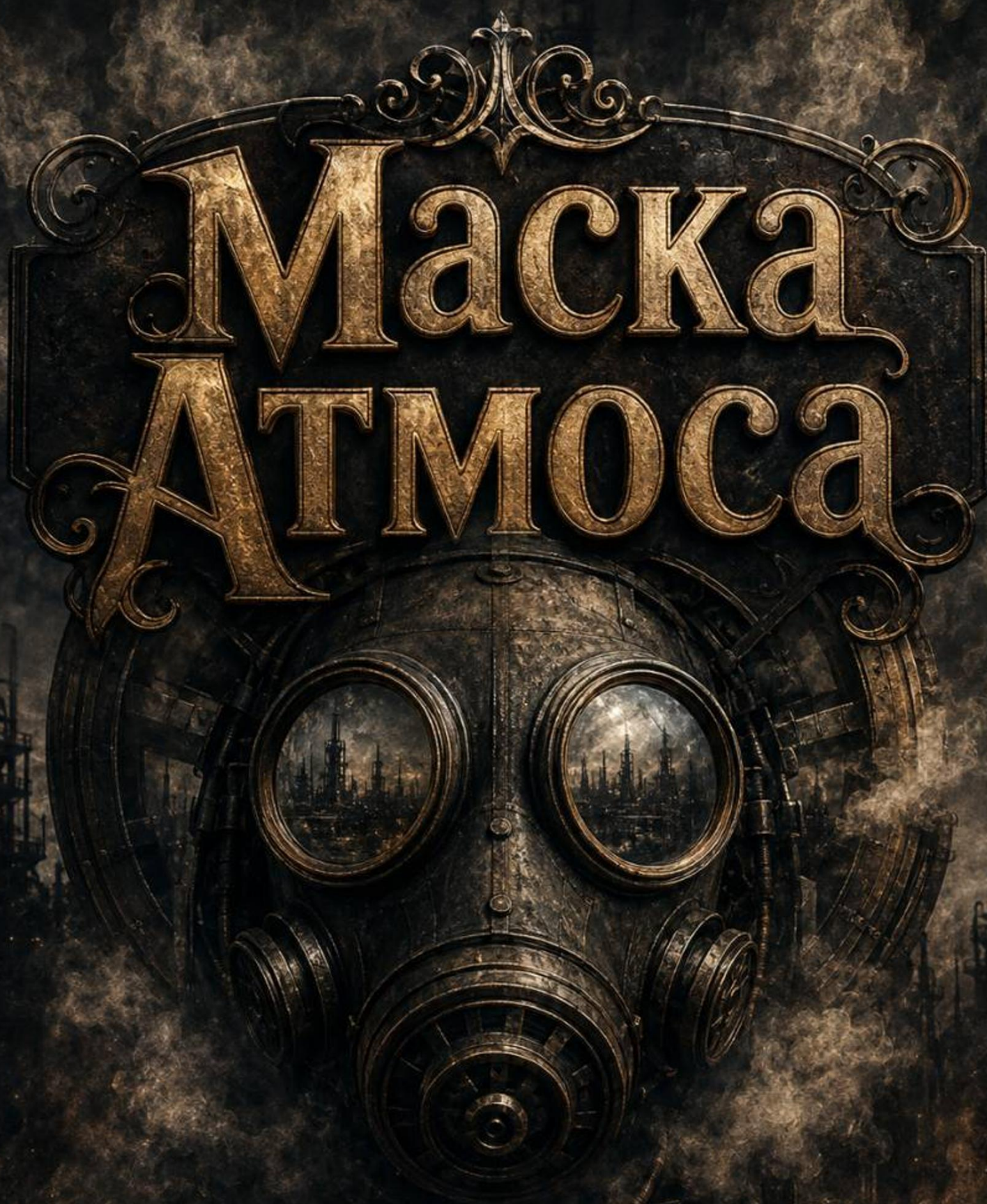

— Автор: —
Пугачев Максим

Максим Пугачев

Маска Атмоса

«Автор»

2026

Пугачев М. В.

Маска Атмоса / М. В. Пугачев — «Автор», 2026

Мир после катастрофы, где воздух стал валютой, а молчание — законом выживания. Ян, помнящий ещё зелёные деревья и синее небо, стоит в многочасовой очереди к Станции Распределения Ресурсов — бывшей автозаправке, превратившейся в бетонный алтарь нового порядка. Государство «Следящих» контролирует каждый вдох: сорок литров воздуха в сутки — ни миллилитром больше. За лишнее слово карают списанием драгоценных литров жизненной энергии. В самодельной маске из ржавых трубок и пластика, с баллоном за спиной, Ян носит не просто средство выживания — он носит память о дне, когда «Великое Переселение» отняло у него родителей. Антиутопия о мире, где дышать — привилегия, а вспоминать прошлое — мучительнее голода.

© Пугачев М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ №4	7
НОЧЬ ЭТОГО МИРА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Максим Пугачев

Маска Атмоса

ПРЕДИСЛОВИЕ

Холод пробирал до костей, словно тысячи ледяных игл вонзались в кожу сквозь тонкую ткань комбинезона. Ян стоял уже третий час в очереди у Станции Распределения Ресурсов номер четыре — массивного бетонного сооружения, которое когда-то было автозаправочной станцией, а теперь стало единственным источником жизни для обитателей этого сектора.

Стены станции покрывал толстый слой конденсата. Капли воды медленно стекали вниз по серому бетону, собираясь в лужицы на полу и замерзая причудливыми узорами. В тусклом свете аварийных ламп эти капли казались серебряными слезами умирающего мира.

Очередь двигалась с пугающей размеренностью метронома. Люди стояли молча, опустив головы, пряча лица под капюшонами старых курток и самодельных масок. Молчание здесь было не просто традицией — оно было законом выживания. За разговоры снимали литры. Не воду, не топливо — драгоценные литры жизненной энергии, которые выдавались каждому гражданину строго по расписанию. Одно слово могло стоять дня существования. Два слова — недели. А если дежурный оператор услышит фразу длиннее трёх слов... лучше об этом не думать, пронеслось в мыслях у Яна.

Он знал это правило так же хорошо, как собственное имя. Он научился говорить глазами, жестами, едва заметными наклонами головы. Но сегодня даже эта немая коммуникация давалась с трудом.

Ян помнил старый мир. Помнил так отчётливо, что иногда боль воспоминаний была острее физического голода. Двадцать лет назад мир был... другим. Он закрывал глаза и видел зелень — настоящую, живую зелень деревьев, которая сейчас существовала только в запрещённых архивах Сети. Видел синее небо без вечной серой пелены токсичного смога. Слышал пение птиц — звук, который считали мифом, детской сказкой.

Всё начало распадаться постепенно, но финал наступил внезапно. Словно картонный домик, построенный великаном-ребёнком, чья рука дрогнула в последний момент. Сначала исчезла вода. Потом еда с полок магазинов. А потом воздух стал роскошью.

Государство называло себя «Следящими». Они действительно смотрели — через миллионы камер, датчиков, имплантов контроля. Они считали себя богами нового порядка, архитекторами реальности, где каждый вдох принадлежал им. Система воздуха была их величайшим творением. И проклятием человечества.

В один день всё разрушилось окончательно. Никто точно не знает, что произошло в Центре Управления. Официальная версия гласила о террористической атаке. Те, кто помнил больше, шептались о восстании машин. Правда, как и многое другое, утонула в радиоактивном пепле первого десятилетия.

Теперь будущее было страшной формулой выживания. На человека выдавалось ровно сорок литров воздуха в сутки. Ни миллилитром больше. Система была безжалостна в своей точности.

Маска Яна была произведением отчаяния и инженерной мысли трущоб. Самодельная конструкция из переработанного пластика, ржавых трубок и фильтров, собранных с заброшенных очистных сооружений. Она плотно прилегала к лицу, оставляя красные следы на коже после многочасового ношения.

Но пугала она не внешним видом. Пугало то, что она символизировала. Каждый раз, надевая её, Ян чувствовал, как защёлкивается невидимый замок. Боль, которую он носил каж-

дый день, материализовалась в этой маске. Это была память о дне, когда они с Майей потеряли родителей во время «Великого Переселения» — эвфемизма для массовой депортации в зоны кислородного дефицита.

Маска закрывала нос, рот, а от неё шёл патрубок к баллону с надписью O₂. Красная краска почти стерлась, обнажив серый металл. Сорок литров. Цифры, которые определяли границы его вселенной

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ №4

Ян заметил странность в очереди. Примерно через пять человек впереди стояли трое мужчин в одинаковых потёртых рабочих комбинезонах тёмно-синего цвета. Материал выщел до серости, покрылся множеством мелких повреждений, и лишь по редким пятнам сохранившейся ткани можно было угадать первоначальный оттенок. На лицах — одинаковые маски-респираторы с потускневшими фильтрами. Это выглядело неправильно. В четвёртом секторе никто не одевался одинаково. Слишком дорого. Слишком заметно.

Но дело было не в одежде. Дело в том, как они стояли.

Первый мужчина слегка наклонил голову вправо. Движение едва уловимое, почти незаметное. Но через мгновение второй повторил его с точностью отражения. Третий — следом. Синхронность, которой не бывает у случайных людей.

Затем первый медленно поднял правую руку на уровень груди. Пальцы согнулись в странном, ритуальном жесте: большой прижат к ладони, остальные четыре выпрямлены вверх. Секунда в секунду второй и третий воспроизвели движение. Механически. Роботизированно. Будто управляемые одним пультом.

Ян почувствовал, как по спине пробежал холод. Он видел такую координацию только в старых военных хрониках, где показывали боевых дронов. Но перед ним стояли люди. Истощённые, уставшие граждане четвёртого сектора. Их внешний вид никак не сочетался с внутренней точностью движений.

Он попытался отвлечься, сосредоточившись на очереди. Ещё два человека отделяли его от заветного окошка. Баллон почти пуст — несколько миллилитров остаточного топлива, которых хватит на пару часов.

Наконец первый из троицы подошёл к окошку. Протянул идентификационный жетон. Оператор — Илья, худой парень лет двадцати пяти с бледным лицом и красными от недосыпа глазами — механически принял жетон, провёл сканером. Ни эмоций. Ни зрительного контакта. Просто функция.

Синхронизированный получил стандартный переходник, прикрепил к баллону, наполнил резервуар. Отошёл, сохраняя идеальную геометрию движений.

Второй. Та же процедура. Тот же результат. Идеальная копия.

Третий. Ян затаил дыхание. Сейчас должно произойти нечто важное.

Третий синхронизированный подошёл к окошку. Илья принял жетон, просканировал. И тут — отклонение от протокола. На долю секунды рука оператора задержалась над лотком выдачи. Затем Илья, не поднимая глаз от монитора, быстрым движением левой руки извлёк из-под стола нестандартный металлический цилиндр.

Ян напряг зрение. Стандартный переходник имел форму шестигранника с тремя портами. То, что держал Илья, было совсем другим — гладкий матово-серебристый цилиндр длиной около восьми сантиметров, без маркировок и разъёмов.

Илья вложил предмет в пустой баллон синхронизированного так быстро, что если бы Ян моргнул, он пропустил бы момент. Цилиндр исчез внутри резервуара, идеально подогнанный под внутреннюю конструкцию.

Синхронизированный забрал баллон, кивнул своим невидимым кукловодам и присоединился к остальным. Все трое развернулись одновременно и двинулись прочь от станции тем же механическим шагом, сливаясь с тенями промышленной зоны.

Теперь перед Яном никого не осталось. Только он, Илья и гудящая тишина компрессорной установки.

Сердце колотилось где-то в горле. Ян понимал: он стал свидетелем запрещённого. За то, что увидел, могли списать не литры — всю оставшуюся жизнь.

Но выбора не было. Голод и холод сильнее страха.

Он шагнул к окошку, протянул жетон. Руки дрожали — то ли от страха, то ли от адреналина. Илья взял пластиковый прямоугольник, провёл сканером. Движения оператора оставались привычными, но Ян уловил микроскопическое изменение: пульс на шее Ильи участился.

— Баллон, — произнёс Илья тихим шепотом.

Ян поспешно достал свой резервуар из рюкзака, протянул оператору.

Илья взял баллон, проверил показания встроенного датчика. Пустота. Критический уровень. Лицо оператора на мгновение исказилось чем-то похожим на сочувствие, но тут же вернулось к маске профессионального равнодушия.

Стандартная процедура: открыть клапан, подключить переходник, запустить насос, дождаться семидесяти процентов, закрыть, отсоединить.

Но вместо стандартного переходника из ящика справа Илья снова полез под стол левой рукой. Ян затаил дыхание, чувствуя, как время растягивается в бесконечность.

Рука появилась вновь. В ней был точно такой же матово-серебристый цилиндр. Переходник блеснул в тусклом свете лампы, когда Илья быстрым, отработанным движением вкрутил его во внутренний порт баллона Яна.

Меньше секунды. Никто в очереди позади ничего не заметил. Даже камеры, если они ещё функционировали, зафиксировали стандартную процедуру.

— Свободен, — буркнул Илья, возвращая заполненный баллон. Семьдесят процентов.

Ян машинально схватил резервуар, кивнул и попятился от окошка. Ноги сами понесли его прочь от станции, мимо уходящих в темноту троих синхронизированных, в лабиринт переулков жилого сектора.

Собственное жилище встретило Яна привычным пейзажем упадка. Квартира на сорок втором этаже заброшенной высотки давно потеряла уют и комфорт. Единственное, что держало его здесь — сестра Майя. Она единственная, кто ещё светился, как луч солнца, о котором он постепенно забывал. Словно их воспоминания стирали за столько лет.

Руки тряслись, когда он устанавливал баллон в приёмное устройство сестры. Стандартная процедура: открутить защитный колпачок, подсоединить шланг подачи, открыть клапан...

Что-то мешало. Шланг не входил в порт полностью. Ян нахмурился, посветил фонариком телефона. Вместо стандартного разъёма он увидел тот самый матово-серебристый цилиндр, торчащий из горловины баллона.

Сердце пропустило удар. Потом ещё один. Илья дал ему нестандартный переходник. Тот же тип, что и троим синхронизированным. Случайностей такого масштаба не бывает в мире, где каждое действие протоколируется десятками систем.

Ян осторожно взялся за цилиндр. Металл обжёг пальцы холодом даже сквозь перчатки. Резьба оказалась левосторонней, с микрорельефом, который он никогда не встречал. Потребовалось усилие, чтобы выкрутить деталь.

Цилиндр вышел с лёгким щелчком. Ян поднёс его к свету. Поверхность абсолютно гладкая, без швов. Вес неправильный — слишком тяжёлый для своего размера.

Инстинкт самосохранения кричал бросить эту штуку, разбить, утопить. Любой контакт с несанкционированным оборудованием карался немедленной депортацией в трудовые лагеря полярного круга.

— Что случилось, Ян? — голос Майи прозвучал тихо, с привычной тревогой.

— Ничего, просто мысли, сестричка.

Он улыбнулся ей — через маску было видно впалые ямочки на щеках. Но любопытство оказалось сильнее страха. Он заперся в ванной, включил слабую лампочку над раковиной.

Двадцать минут осторожных манипуляций импровизированными инструментами — заточенной ложкой и куском наждачной бумаги. Цилиндр состоял из двух половинок, соеди-

нённых молекулярной сваркой высочайшего класса. Военная технология старого правительства.

Ложка соскользнула. Раздался тихий хруст. Ян замер, прислушиваясь. Тишина. Только гул ветра в вентиляционной шахте.

Он продолжил. Шов начал расходиться. Внутри оказалась пленка. Тончайшая полоска прозрачного материала, свернутая в микроскопическую спираль диаметром с рисовое зерно. Ян аккуратно извлек её пинцетом из скрепки. Пленка была гибкой, но упругой, сопротивлялась попыткам развернуть.

Только когда он поместил её под струю тёплой воды — расточительство, которого он обычно не позволял — материал смягчился.

То, что он увидел, заставило кровь застыть в жилах.

Координаты. Не обычные географические широта и долгота. Квантовые пространственные маркеры новой навигационной сетки — последовательность символов и цифр, указывающая точное местоположение в многомерном пространстве.

QM-N7-α-44.8921-θ-12.3347-Z+0.002

Ян никогда не видел подобной записи. Но почему-то знал, что она означает. Нижний уровень подземного комплекса «Архимед», сектор альфа, камера сдерживания сорок четыре точка восемь девять два один. Время активации — семнадцать часов завтрашнего дня.

Кто-то назначил ему встречу. Кто-то влиятельный, имеющий доступ к военным технологиям прошлого и контролирующий операторов распределительных станций. Илья рисковал всем, передавая этот контейнер. Синхронизированные тоже были частью плана — отвлекающий манёвр, проверка безопасности.

Ян посмотрел на своё отражение в потрескавшемся зеркале. Измождённое лицо, впалые щёки, глаза лихорадочно блестят в полумраке. Обычный гражданин четвёртого сектора. Почему именно он?

Ответ пришёл внезапно, холодной волной понимания. Дело не в том, кто он сейчас. Дело в том, кем он был. До очистки памяти. До присвоения номера YAN-734-BETA. До того, как система стерла его предыдущую личность и выбросила в четвёртый сектор с базовой квотой вместе с сестрой.

Внизу пленки, под координатами, была приписка. Настолько мелкая, что он заметил её только сейчас:

«Код доступа прежний. Северная роза не увяла. У тебя 24 часа.»

Северная роза. Проект, закрытый пятнадцать лет назад после катастрофического провала эксперимента с квантовой телепортацией. Проект, в котором Ян занимал должность ведущего специалиста по нейросинхронизации. Проект, из-за которого его семья исчезла, а сам он прошёл через программу стирания личности.

Они нашли его. Те, кто остался. Те, кто пережил чистку и ушёл в подполье.

Завтра в семнадцать ноль-ноль он должен спуститься на нижние уровни «Архимеда» — закрытого военного объекта, официально разрушенного землетрясением десятилетней давности. Объекта, который, судя по работающим координатам, функционировал всё это время.

Ян аккуратно смотал пленку, завернул в водонепроницаемую ткань и спрятал за щекой — самое безопасное место, куда не доберётся ни один досмотр. Вернулся в комнату, сел на край кровати.

Майя смотрела на него с удивительными глазами. В них зажглась та же искра, что у брата.

У него появился выбор. Опасный, смертельно опасный. Но это был его выбор. Не алгоритм распределения ресурсов. Не квартальная комиссия.

Завтра он спустится туда. Завтра начнётся настоящая игра.

А пока оставалось ждать. И экономить кислород.

НОЧЬ ЭТОГО МИРА

Ночь в городе всегда пахнет одинаково: мокрым асфальтом, остывающим бетоном и слабым привкусом озона от старых линий электропередач. Для Яна этот запах был запахом безопасности. Он означал, что фильтры противогАЗа работают штатно, а значит, невидимая смерть, висЯщая над миром последние двадцать лет, не доберётся до него сегодня.

Но безопасность — понятие относительное. Особенно когда ты спишь рядом с Майей.

Ян проснулся не от звука, а от отсутствия звука. В комнате, где единственным шумом обычно было тяжёлое, фильтрованное дыхание двух людей, повисла абсолютная, звенЯщая тишина. Тишина вакуума.

Он открыл глаза. Темноту спальни прорезала тонкая щель света из коридора. В этом полумраке он увидел её силуэт. Майя сидела на кровати, идеально прямая, словно натянутая струна. Плечи не поднимались. Грудь не вздымалась. Она вообще не дышала.

ОпЯть.

Первые несколько раз Ян думал, что она умирает. Тряс за плечи, бил по щекам, пытался запустить искусственное дыхание — пальцы проваливались сквозь сопротивление спазмированных мышц. Врачи говорили о кататоническом ступоре, вызванном нейротоксинами старого мира. Советовали просто переждать. «Это пройдёт через пять-десять минут», — говорил седой доктор в клинике для ветеранов, протирая очки. — «Главное, чтобы она не ударилась».

Но врачи никогда не слышали того, что слышал сейчас Ян.

Майя открыла рот. Воздух не входил внутрь — казалось, он выходил оттуда под давлением. И вместе с этим беззвучным выдохом полились слова.

— Кси-Лямбда-Омега, сектор семь дробь четыре, — произнесла она голосом, который не принадлежал ей. Металлический резонанс, лишённый эмоций, сухой и точный, как скальпель патологоанатома. — Синхронизация протоколов завершена. Уровень кислорода критический. Активация резервного контура.

Яна прошиб холодный пот. Он знал эти приступы. Знал их слепую ярость и физическую боль, которую они причиняли телу Майи. Но это... это было нечто иное. Не бредни больного мозга. Фразы имели структуру. Синтаксис. Пунктуацию, если можно так назвать паузы между блоками данных.

Она говорила на языке, которого не существовало ни в одном словаре Федерации Объединённых Куполов. Короткие, рубленные слоги, перемежающиеся шипением и странными гортанными щелчками. Но самым страшным был ритм. Если закрыть глаза, звук напоминал работу древнего телеграфного ключа — морзянку, ускоренную в десять раз.

— Вектор падения стабилен, — продолжала Майя, глядя прямо перед собой пустыми зрачками. Лицо в лунном свете казалось высеченным из алебаstra. — Целостность оболочки девяносто восемь процентов. Утечка локализована. Запрашиваю разрешение на сброс балласта.

Ян действовал на чистом адреналине. Рука метнулась к прикроватной тумбочке. Старый армейский противогАЗ модели «Сфера-4», переделанный под хранение мелочей. Внутри, среди бинтов и просроченных таблеток, лежал массивный цифровой диктофон эпохи До-Падения. Настоящий артефакт с магнитной лентой, способный писать звук без цифровых фильтров.

Он нажал запись. Красный светодиод вспыхнул во тьме.

Майя повернула голову. Тело оставалось неподвижным, но шея издала тихий хруст суставов. Взгляд — абсолютно пустой, чёрный — зафиксировался на лице Яна.

— Обнаружен сторонний наблюдатель, — произнесла она тем же мёртвым голосом. — Биологическая сигнатура опознана. Объект: Ян. Статус: Брат. Угроза целостности: ноль-ноль. Переключение протокола на открытую передачу.

Губы перестали шевелиться так часто. Скорость речи упала. Теперь каждое слово падало в тишину комнаты, как капля расплавленного свинца.

— Сорок два. Девять. Шестнадцать. Конец цикла.

Тело Майи обмякло. Она рухнула обратно на подушки, издав слабый стон. Дыхание вернулось — хрипкое, рваное, человеческое. Она перевернулась на бок, подтянула колени к груди и провалилась в глубокий сон, похожий на кому.

Ян сидел на краю кровати, сжимая дрожащими пальцами ребристый корпус диктофона. Сердце колотилось где-то в горле. Сорок две секунды длился последний фрагмент. Девятнадцать фраз. Код.

Осторожно, боясь разбудить её даже случайным скрипом половицы, он вышел в коридор. Включил старинный анализатор состава воздуха — прибор, который бережно хранил ещё с тех времён, когда находил запечатанные батарейки в пустошах потерянного мира. Экран загорелся болезненно-зелёным светом. Ян выставил минимальную чувствительность и направил раструб на лицо спящей сестры.

Прибор загудел, втягивая микропорции воздуха. Прошла минута. Зелёный свет сменился тревожным янтарным. Затем красным.

Ян смотрел на диаграмму состава газов. Азот — норма. Кислород — отсутствует, что логично после падения мира. А затем...

Аргон.

Инертный газ. Обычно в атмосфере около одного процента. Незначительная примесь. Но прибор показывал концентрацию в двадцать три процента. Почти четверть выдыхаемого Майей воздуха состояла из аргона. Причём спектральный профиль имел специфические изотопные маркеры. Маркеры, которые Ян видел только однажды — в учебнике по промышленной геологии.

Концентрация аргона, характерная для глубинных пластов газогенераторных шахт. Тех самых древних дыр в земле, где столетиями горели угольные пласты, создавая синтетический газ для городов. Пока их не затопило токсичными водами.

Ян медленно отключил прибор.

Откуда в лёгких женщины, родившейся в нормальном мире, взялся шахтный газ?

Утро пришло с сиреной воздушной тревоги. Обычная проверка систем герметичности Купола. Наверху, в секторах элиты, люди даже не просыпались от этих звуков благодаря активной звукоизоляции. Здесь, в секторе репатриантов, стены вибрировали.

Майя села в кровати, кутаясь в тонкое одеяло. Выглядела уставшей — под глазами залегли глубокие тени, похожие на синяки после побоев.

— Опять эта дрянь, — прохрипела она, массируя шею. — Голова раскалывается. Словно мешки таскала всю ночь.

Ян молчал. Варил синтетический кофе на маленькой плитке. Вода в чайнике булькала, выпуская клубы пара. Пар смешивался с утренним смогом, проникающим сквозь микротрещины в уплотнителе двери.

— Ты разговаривал во сне? — спросила Майя, пытаясь улыбнуться. Улыбка вышла кривой. — Ты ворочался. Я думала, тебе кошмар приснился.

Ложь. Идеальная, бытовая ложь. Психика человека склонна заполнять пробелы памяти самыми простыми и безопасными объяснениями. Ян знал это лучше других — сам прошёл курс психологической адаптации после потери родителей. Подпольный, незаконный, но необходимый.

— Мне снились шахты, — сказал Ян, не поворачиваясь. Он следил за индикатором закипания. — Помнишь, я рассказывал? Как мы спускались на минус двадцатый горизонт искать выживших после переселения?

Спина Майи напряглась. Всего на долю секунды, но Ян уловил это движение профессионального разведчика. Изменение центра тяжести.

— Шахты? — она пожала плечами, но жест получился деревянным. — Нет, не помню. Мерзкое место. Хорошо, что нас загнали под Купол.

Она встала и прошла в санитарный узел. Ян услышал звук бегущей воды. Подошёл к куртке, висевшей на спинке стула. Во внутреннем кармане лежал диктофон.

Весь день Ян провёл в мастерской. Официально он числился механиком четвёртого разряда по обслуживанию систем вентиляции жилых блоков. Неофициально — чинил запрещённую электронику для чёрного рынка. Старые коммуникаторы, блоки питания для контрабандных радиостанций, усилители сигнала для тех, кто хотел слушать эфир Верхнего Города. Но прошлое настигло его. Кто-то знал его секрет. Знал, чем он занимался до того, как память стерли.

Сейчас на рабочем столе, заваленном мотками проволоки и канифолью, лежал главный объект исследования — диктофон.

Ян подключил его к самодельному терминалу. Магнитная лента оказалась цела. Волны звуковой дорожки на экране монитора выглядели странно. Слишком ровные интервалы. Слишком чёткие амплитуды там, где человеческий голос должен давать хаос.

Он прогнал запись через дешифратор частот. Результат нулевой. Это не был шифр Вернама или какой-либо известный алгоритм симметричного ключа. Звук обладал фрактальной природой. Чем больше Ян увеличивал масштаб осциллограммы, тем сложнее становился узор. На микроуровне фраза «Сорок два. Девять. Шестнадцать» превращалась в последовательность импульсов, идентичную структуре ДНК, которую он видел в старых медицинских базах данных.

— Что же ты такое? — прошептал Ян, снимая защитные очки.

Вечером Майя вернулась раньше обычного. Работала диспетчером логистической службы — скучная работа, заключающаяся в перекладывании виртуальных контейнеров с места на место.

— Начальник зверствует, — бросила она, швыряя сумку на диван. — Говорит, показатели доставки упали. Грозится перевести на очистные сооружения.

Ян кивнул, делая вид, что поглощён пайкой микросхемы. Чувствовал запах её волос, когда она подошла сзади и положила подбородок ему на плечо. Запах шампуня с экстрактом лаванды. Химическая, фальшивая свежесть.

— Устала? — спросил он.

— Да. Хочу просто лечь и забыть этот день.

Ян почувствовал, как по спине пробежал знакомый липкий страх. Ночь приближалась. Солнце — или то, что имитировало его свет на верхних панелях Купола — уже клонилось к закату, окрашивая бетонные джунгли в цвет запекшейся крови.

Когда Майя уснула, Ян выждал три часа. Поднялся, бесшумно оделся и покинул квартиру. Времени вполне хватало, чтобы достичь координат, которые передал ему Илья на распределительном пункте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.